

УДК 316.77 (091)

КУСТАНАЙСКИЕ ГАЗЕТЫ НАЧАЛА 20-х ГОДОВ XX ВЕКА О ПРОБЛЕМАХ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Духин Я.К.,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всемирной истории
и общественных дисциплин, КГПИ,
г. Костанай, Казахстан

Литвинова К.И.,

студентка 4 курса, КГПИ

Аннотация

Жыл өткен сайын өткен жылдардың тарихи ақпараттарының жаңғыруына газет сөздері үлкен үлес қосуда. Мақала авторлары XX ғасырдың 20-жылдарындағы Қостанайлық газеттерге тарихи дерек ретінде сүйене отырып, кеңес билігінің алғашқы жылдарындағы мектеп ісінің жағдайына және оны қайта құру шаралары жайында мәлімет береді.

Мақала материалдарының қолданылған газетте ақпараттан құрылуы, оқырмандардың Қостанай тарихына көз жүгіртуіне көмектеседі.

Аннотация

Уходя в прошлое, газетное слово приобретает все более и более весомую значимость для восстановления исторических деталей минувших лет. Авторы предлагаемой статьи обращаются к костанайским газетам 20-х годов XX века как к историческому источнику для выяснения как состояния школьного дела, так и мер по его перестройке в условиях первых лет советской власти.

Материал статьи построен полностью на использовании газетной информации, что дает читателю возможность проникнуться атмосферой костанайского прошлого.

Abstract

Going in to the past, newspaper word is getting more and more significant importance for the recovery of historical details of past years. The authors of this article refer to the Kostanai Newspapers of 1920s as the historical source to see the state of schooling and measures for its rebuilding in the conditions of the first years of Soviet power.

Material of the article is based entirely on the use of the newspaper's information that gives the reader the opportunity to feel the atmosphere of Kostanay past.

Түйінді сөздер: газет, мектеп, газет мақаласы, мұғалім, жастар, оқу құралдары, ауыл мектебі.

Ключевые слова: газета, школа, газетная статья, учитель, молодежь, учебные пособия, аульская школа.

Keywords: newspaper, school, newspaper article, teacher, youth, manuals, village school.

1. Введение.

Иногда задумываешься: «А поставлен ли где-либо памятник создателю газетного слова?» Очень жаль, если забыли это сделать. Ведь вряд ли какая-либо книга заменит данный источник информации по значимости воздействия на людской мир. И это не все. Газета, изданная когда-то, продолжает быть для историка документом эпохи спустя годы и столетия.

А все потому, что в ней пульс ее времени. И печально, если этот источник поврежден или вовсе потерян. Так, например, случилось с первыми советскими кустанайскими газетами. При всем старании не найти ни одного экземпляра во всех кустанайских библиотеках. Исключение, разве что, следует сделать для Костанайского областного государственного архива, где хранятся несколько десятков номеров газет, да и те пришедшие в весьма ветхое состояние. Их с большой осторожностью и по особому разрешению выдают для использования некоторым исследователям

20-е годы – время непростое, но, несмотря на сложные условия жизни, как ни странно, оно было богато на газетное слово. И даже в таком заштатном для той поры городе, каковым был наш Кустанай. Многие издания тех лет: «Повстанец», «Степь», «Степная заря», «Степная правда», «Красная степь», «Степной крестьянин», «Известия Кустанайского Губкома РКП(б)», – как видно из их названий, связаны со словом «степь». Случайно? Отнюдь нет. Костанайщина – степной край, основной житель – селянин, землероб, скотовод. Прежде всего к нему и было обращено газетное слово. Оно обращено и к нам, теперь уже в качестве исторического факта, позволяющего понять не только особенности той эпохи, развал социальной дисциплины, но и убедиться в потенции народного ума и здравого миропонимания.

2. Обсуждение.

Текст предлагаемой статьи обильно цитируется, и сделано это преднамеренно: надо, чтобы читатель чувствовал аромат времени с его многовекторными, порой парадоксальными, сюжетами.

Чтобы понять атмосферу 20-х годов, достаточно вспомнить основные меры большевистского правительства в области народного образования. Они сводились к отделению церкви от государства, к отстранению всех священнослужителей от преподавания в школе, закрытию церковно-приходских школ, открытию школ двух ступеней – первая с 5-летним сроком обучения, вторая – девятилетка, к развертыванию массовой агитационно-пропагандистской работы в целях политического просвещения народных масс, в том числе и через школу, к всенародному походу за ликвидацию неграмотности. Как видим, объем работы предстояло осуществить огромный, и все это в короткие сроки.

Особенно тревожило власти неблагоприятное положение школьного дела в деревне, прежде всего среди местного коренного населения. Вот почему борьба за ликвидацию неграмотности объявлялась ударной. Кстати, и со стороны крестьян заметно было явное стремление к обучению. Среди материалов, помещенных в газетах, можно найти множество разительных примеров, свидетельствовавших о настойчивом желании приобщиться к грамоте. Полагаем, один из них будет читателю интересен. Знакомимся: некогда «хулиганствующий» житель пос. Татьянавка Прокофий Нероденко довольно бесхитростно повествует о своих мытарствах на пути к исправлению. «Я был страшный хулиган, – сообщает он в редакцию, – дальше некуда. Мне девятнадцать лет. От скуки взял почитать вашу газету. И так ею заинтересовался, что и забыл про улицу. В это время открылась у нас школа для взрослых. Товарищ Ардатов, односелец, посоветовал мне в нее записаться. Послушался я и пошел учиться. Сперва к учителю и учительнице я относился с недоверием, а потом вижу: учитель Добранский со мной, как с хорошим товарищем, обращается, стал приручаться. Бросил я все свои хулиганские привычки, да всерьез бросил, на воля. Исправился я вполне. Вылечился, значит. Теперь я уже состою секретарем комсомольской ячейки и часто хожу к учителю читать газеты и книжки и беседовать о научных вещах. Исправила меня школа. Перевоспитала в корне» («Степной крестьянин». 1925. № 95).

Не обошел стороной ликбез и женщин. Вот крестьянка Клейменова: неграмотная, ребенком ее не учили. «На деревне ведь часто считают, что девчонке образование не нужно, – пишет она в газету. – Сильное желание есть учиться, да горюшко – нет в нашем поселке школы для взрослых. Хоть и поздно мне учиться, но темной, неграмотной трудно жить.

Как слепая ходишь. Вот я и решила бесповоротно учиться» («Степной крестьянин». 1925. №32).

Потянулась в школу за учебой и казахская женщина. «Можно предполагать, – сообщает газета, – что то же самое получится и в отношении взрослой киргизки при ликвидации неграмотности. А надо сказать, что киргизская женщина больше, чем русская, стремится к учению. Да и вообще надо сказать, что киргизка сильнее интересуется вопросами женского движения, чем русская» («Известия Кустанайского Губкома РКП(б)». 1924. № 26).

Практически ни один номер кустанайских газет той поры не обходился без кричащего материала с мест о трагедии народной школы. В большинстве случаев не хватало учебных помещений, школьного оборудования, учебников, квалифицированных учителей. Вот эту заметку в газету не иначе, как стоном, не назовешь. А в ней вот о чем. В поселке Весело–Подольском еще в 1916 г. из части молитвенного дома сделали школу, там она и находилась. «Помещение, – сообщал автор корреспонденции, – безусловно, назначению не соответствует, т.к. стены тонкие, пол и потолок – земляные, везде трещины. Зимой холодно, и дети, сидя за уроками, дрожат, шелкая зубами. Печки, хотя и ремонтируются почти каждую осень, но не прочно. Детям приходится сидеть в холоде и дышать дымом. Дети хиреют, хиреет и сам учитель, Воздух, благодаря тесному помещению, скопляется пополам с пылью, дымом и холодом. Во время перемены детям приходится кусать свои кулаки, дабы согреться» («Красная степь». 1923. № 66).

Органы Кустанайского отдела народного образования были всерьез озабочены положением школьного дела на местах. Трудности не скрывались, напротив, с откровенной беспощадностью обнажались и становились поводом для принятия решительных мер, таких, например, как приказы отдела народного образования от 20 января 1920 года. Первый из них указывал на организацию школьных советов и школьных коллективов, согласно положению о «Единой трудовой школе», и о приобретении для школ участков земли под огород, сад и поле и приучении детей к коллективной работе. Разумность данного постановления вряд ли стоит брать под сомнение, учитывая катастрофически бедственное положение отдела народного образования, неспособного в условиях повсеместного голода обеспечить нормальное функционирование школы. Но вот какой казус. Газеты сообщали факты, когда выделяемые школам участки действительно обрабатывались, но плодами этого детского труда зачастую пользовались учителя и руководители школ. Что здесь скажешь? Наверное, нужно понять, что учительство тех лет было самой обездоленной частью деревни.

Второй приказ обязывал всех работников образования «устраивать, как можно чаще народные чтения, беседы, лекции, имеющие целью разъяснить населению деревни государственное строительство нашей Республики, идущей по пути великой идеи коммунизма, ознакомить с пользой коллективного труда, разубедить население в их предрассудках, которыми полна жизнь деревни» (Государственный архив Костанайской области (ГАКО). Ф.1010. Оп.1. Д.22). Если отбросить риторiku приказа, то и он имел вполне осмысленную цель, создавая условия для культурного преобразования и развития деревни.

А теперь надо принять во внимание, что в решении проблем переустройства и строительства новой школы без огромных денежных затрат никак не обойтись. Это был действительно факт серьезного порядка. Со всех концов губернии в газеты и в соответствующие инстанции шли мольбы о выделении средств на школу: «Дайте нам денег!» А где взять?

Решение задачи местной властью виделось в проведении «самообложения населения» в пользу школ «через школьно-хозяйственные советы при уисполкомах и горсоветах». Одним словом, школьная сеть практически лишалась государственной поддержки. Государственные ассигнования считались дополнительными к местному бюджету, формируемому главным образом за счет поборов с населения («Степная правда». Оренбург, 1923. № 242). Данная установка на так называемые «договорные школы» не была местной инициативой, она инициировалась специальным постановлением центральной власти. «Степная заря» опубликовала «Обращение ВЦИК ко всему крестьянству Советской России». Цитируем

некоторые фрагменты: «...без помощи широких слоев крестьянского населения сеть необходимых деревенских школ не может быть сохранена...». И еще, это, скорее, призыв: «Крестьяне! Не жалеите нескольких фунтов хлеба на нашу школу и учителя – этот засев даст в недалеком будущем самый обильный урожай. Председатель ВЦИК М. Калинин. Москва, Кремль, 1 марта 1923 г.» («Степная заря». 1923. № 35).

И что же крестьяне? В том же «Обращении ВЦИК» говорится о том, что во многих местах России крестьяне пошли навстречу «стремлениям Советской власти в школьном деле: сельские общества заключили договоры с отделами народного образования о содержании школ за счет населения. Но есть еще много мест, где несознательное крестьянство отнеслось к важнейшей задаче поддержки школы в деревне, как к делу постороннему и чуждому».

Газета с обеспокоенностью писала, что «видя вокруг себя пошлость, мещанство» молодежь невольно сама заражается им. Вот здесь «школа должна проявить максимум энергии, чтобы оторвать, вытянуть их из этого болота мещанства».

А теперь и попробуйте её, деревню такую, раскатать! Категорически нужна была крепкая своими устоями школа. И не просто школа, а такая, которая поможет стране «нищую и убогую превратить в страну богатую». При бытовавшей инерции общественного сознания без организации научного ведения крестьянского хозяйства эту задачу вряд ли можно осуществить. По силам она только человеку грамотному. В одном из материалов газеты неким анонимным автором (М.П.) предлагается крестьянину «темному, боящемуся науки, верящему больше попу, чем агроному» уйти от ведения хозяйства по старинке – «что Бог дает». «Пройдет несколько лет, – пишет аноним, – и русское крестьянство начнет догонять заграничных крестьян. Плохо придется остальным, не нюхавшим школы. Проклянут они своих отцов, что не дали им света. Но будет поздно. Помните это, граждане, и позаботьтесь о своих детях, позаботьтесь о школе. В этом ваша прямая родительская обязанность» («Степной крестьянин». 1924. № 26).

В портфеле редакций газет содержалось немало свидетельств о равнодушном отношении крестьянства к оказанию помощи школе. Как обобщением звучат слова из доклада члена Губкома В. Забирова: «Тяга к знанию в деревне есть. Крестьяне часто самостоятельно поддерживают школы» («Известия Кустанайского Губкома РКП(б)». 1924. № 22).

А вот и городская новость: во всех районах города прошли «оживленные собрания». «На всех выносятся единогласные постановления всеми мерами поддержать школу, – читаем в газете, – отношение населения, и особенно беднейшего, самое сочувственное. Жертвуют все, что могут, и деньгами, и натурой...» («Степная заря». 1922. № 123).

Однако надо ли объяснять, что отмеченная в «Обращении ВЦИК» тенденция уклонения от заключения договоров в той или иной степени проявила себя и в кустанайской деревне. Кто в этом виноват, да и виноват ли? Мы далеки от того, чтобы осуждать рожденные временем и обстоятельствами жизни уклонистские настроения. И все же приведем некоторые материалы из газет. Вот «уклонисты» поневоле: «Взялись граждане пос. Новгородского за постройку школы, – сообщает «Степная заря». – Наполовину выстроили – дальше сил не хватает. Бедный у нас поселок» («Степная заря». 1923. № 38). Рука не поднимается обвинять новгородцев в злостном нежелании «под всякими предлогами» завершить с трудом начатое дело.

А вот пример несколько иного плана, здесь уже целое крестьянски-собственническое миропонимание. Читаем корреспонденцию о положении в селе Купринском, «где школа нуждается в ремонте, печь развалилась, парт не имеется, коридор раскрыт, а купринцы «разорились» – посеяли в школьный фонд целую десятину, и ту на плохой земле. Одни говорят: «Чьи дети учатся, те пусть и делают парты». Договор с учителем тоже уклоняются заключать» («Красная степь». 1924. № 69).

В указанных примерах, а их много, просматривается мотивация, заложенная в крестьянском сознании и отчетливо выраженная жителями пос. Рязанцевский в ответ на желание учителя заниматься с детьми: «Нечего их учить, детей наших. Будет, научили уже».

Автор заметки в газету резюмирует: «Вот так отцы! Наплодить детей – это их дело, а вот грамоте их научить – так это их не касается. Пусть, мол, живут такими пнями, как и мы сами. А попа-дармоеда, пожалуйста, не отказываются круглый год на свой счет содержать» («Красная степь». 1923. № 50).

Реакция газеты на идущие из деревни подобные вызовы мероприятиям советской власти в области школьного строительства была неожиданно резкой: «Если крестьяне по невежеству не хотят учить своих детей, противятся просвещению, действуя по своей всегдашней ссылке на дедов и себя: «деды и мы жили неграмотно, так и дети наши проживут», – что же, придется считаться с крестьянским невежеством?» Поставив таким образом вопрос, газета предлагает весьма популярную в то время меру: «Придется применить метод принуждения» («Красная степь». 19 февраля 1924).

Немалую роль в негативном подходе крестьян к оказанию помощи «договорным школам» сыграла такая небезызвестная фигура, как кулак. Его когда-то В.И. Ленин называл «хозяином русской деревни». Уйдем в сторону от его оценки как социального явления – не наша задача, и приведем лишь несколько из многочисленных деревенских жалоб о засилии в школьных советах кулацких приспешников и представителей религиозного культа: «Вот и мутят и мешают, поднимают волчий вой на собраниях, когда речь идет о помощи школе. Учат крестьян не посылать детей в школу» («Степной крестьянин». 1924. № 37).

Из поселка «Назаровский» сообщали: «Кулаки и кулацкие сынки постановлению общего собрания не подчиняются и от взноса причитающегося с них хлеба на школу решительно отказываются, а сельсовет не может их заставить» («Степная заря». 1923. № 33). «Красная степь» публикует тревожную статью «Положение ухудшается», где сообщает: «Кулачество начинает торжествовать: а что, мол, наслужили ваши батраки? Опять, видно, к нам придется с поклоном идти». Под влиянием кулацкого засилия «в деревнях препятствуют вступлению школьников в пионеры. На вопрос о причинах дети отвечают: «Тягька лаять будет!»» («Степной крестьянин». 1924. № 20). Газеты сообщали о случаях избиения учителей, поджогов школ и пунктов ликвидации неграмотности, уничтожения изб-читален, школьного имущества, учебников.

Бросать в этих крестьян камни? А стоит ли? «Темнота, да и только», – выразился один сельский писатель в газету. И был прав, поскольку шла темнота эта от далекого сермяжного деревенского быта, формировавшегося незащищенностью и угодничеством перед богатой спесью.

Новую школу стремились укрепить, исходя из принципа классового подхода. Так, Губоно установил на 1923–1924 учебный год определенный порядок укомплектования школ. Из него следовало, что в первую очередь «принимаются дети рабочих и служащих, членов профсоюзов, красноармейцев, инвалидов Красной Армии и труда. В киргизские школы-коммуны принимаются дети беднейшего киргизского населения по разверстке, данной по всем волостям Кустанайской губернии, 15 мест предназначается для девочек-киргиз. Комиссии при Губоно и Уно поручено произвести чистку принятых в прошлом году на предмет лишения стипендии детей баев» («Красная степь». 1923. № 94). Обрушившись всей мощью власти на враждебный элемент, строители новой образовательной системы решительно заявляли: «Кулак, торговец не должны допускаться в школу. Она для бедняка».

Советы надеялись на реорганизацию школьного образования в связи с созданием нового типа учебных заведений – ШКМ (Школа крестьянской молодежи). Инициаторы перестройки школы исходили из нужды деревни в кадрах «передовых крестьян, культурных земледельцев, кооператоров и вместе с тем общественных работников. Это должна дать ШКМ».

Задача поставлена. Как ее решить? Предполагалось соединить теорию с практикой. «Не отвлеченный предмет или учебник будет изучать школа, – писал в газету некий Руднев, – а наметит себе ряд практических заданий и будет их выполнять, пользуясь для этой цели теоретическими данными. Школа должна так распределить и построить свою работу, чтобы быть как можно более сильной и легкой для крестьянской молодежи» («Известия Куста-

найского Губкома РКП(б)». 1924. № 25). Но одно обязано было стать основным и незыблемым постулатом: «Ребенок, – писалось в «Степной заре», – должен с малых лет получить трудовое общественное воспитание». Этот лозунг внедрится в образовательный процесс на долгие годы. Один из авторов данной статьи в свое время прочувствовал по полной программе результаты трудового воспитания. Оказалось – много полезного.

Интересным и несколько необычным нам показался отклик на инициативу, представленный в газету автором заметки «Ближе к жизни» Ваньчуком. Так вот, он размышляет: «Необходимо на уроках арифметики решать задачи и делать вычисления не только на бумаге, но и на счетах, не только из мертвых задачникков, но и на примерах, взятых из окружающей среды, знает ли сам учитель цифру населения поселка, не говоря уже о цифре рождаемости или смертности, количество урожая и процент его к посеву, площадь посева, сенокоса, пастьбы и т.д.?». Может быть, автор несколько переусердствовал, но вот над этим выводом его стоит поразмыслить: «Когда сельский учитель ближе встанет к крестьянину, к земле и сельскому хозяйству, сам со своими учениками бок о бок будет работать с крестьянином и жить одной с ним жизнью, только тогда сельский учитель и более будет обеспечен материально» («Красная степь». 1924. № 69). Не этот ли тезис о трудовом воспитании закладывал Наркомпрос в свою программу создания ШКМ? Думается – да.

Большие надежды в развитии школы возлагались на комсомольское движение. Комсомол рождался в муках. Крестьянская молодежь переживала крайне тяжелый период жизни. Газетная информация сообщала, что деревенские кулаки и служители культа «всеми силами стараются не допустить молодежь в КСМ, они иногда добиваются «хороших» результатов. Родители запрещают своим детям вступать в РКСМ, грозя выгнать, как собаку, из дому. Их воле подчиняются даже беднейшие слои крестьянства и отдают своего сына лучше в работники кулаку, чем отпустить его в союз. А девушки, которые почти все вырастают безграмотными, даже и думать не могут о КСМ. Это считается каким-то позором» («Степная заря». 1922. № 116).

Надо ли объяснять, что подобная ситуация порой приводила к развалу уже созданных комсомольских ячеек, бегству их членов и прекращению созидательной работы. Из Урицка, например, сообщалось об абсолютном бездействии ранее довольно крепкой местной ячейки; райком РКСМ не предпринимал никаких мер к оживлению организации, можно сказать, что он практически и не существовал («Степь». 1922. №24). Подобная ситуация крайне обеспокоила делегатов 3-й губпартконференции в феврале 1923 г. Полагаем, что нельзя описанную ситуацию слишком уж абсолютизировать. Напротив, многие газетные публикации информируют о настойчивых попытках комсомольцев поддержать свой союз, укрепить его созидательной работой среди деревенской молодежи. Со временем это давало позитивный результат. В резолюции 3-го губернского съезда РКСМ отмечалось: «... вся молодежь жаждет учиться и просит Соввласть оказать делу народного образования полную поддержку, молодежь не отстает от взрослых и интересуется современными событиями и правильно их понимает, заметна тяга бедняцкой молодежи в РКСМ» («Красная степь». Кустанай, 1923, №49). Конечно, здесь много ещё риторики, но чувствуется и искреннее стремление к творческому делу. Кстати, в одном из номеров оренбургской газеты «Юношеская правда» (Оренбург, 1922. №14) сообщалось о том, что «кирмолодежь идет весьма охотно в союз, и прослышав о существовании ячейки, едет за десятки верст, чтобы стать членом союза».

Трудно было всем. Но особенно в тяжелом положении оказалась казахская школа. Да и как такому положению не быть, когда она практически не имела традиций, и собственно, как таковая, находилась в зародышевом состоянии. Газеты часто поднимали вопрос о ее невзгодах, и подобные корреспонденции авторов-казахов на их страницах были не редкостью. Несколько примеров дают представление о проблемах казахского населения и образования на местах. Получив свободу от царизма, «киргиз бедняк продолжает оставаться под гнетом баев, – сообщала газета «Коммунар» в 1921 г., – в советах и волисполкомах часто сидят кулаки; рабочие киргизы, которых насчитывается тысячами, пребывают в темноте: культур-

но-просветительской работы среди них не ведется, не организованы они и в профессиональные союзы» («Коммунар». Оренбург, 1921. № 1). Задание Губисполкома в 1920–1921 учебном году построить в киргизских волостях по новой школе не смогли осуществить. Главная причина – отсутствие финансовых средств, продовольственных ресурсов и педагогического персонала. И как результат: «киргизские дети гибнут...»

«В русских волостях есть столовые, а киргизским детям нет ничего» (Бюллетень 3-го Кустанайского съезда Советов, 1920. №1, 2). В 1925 г. народный комиссар просвещения Киргизской республики Садвокасов сообщил об усилении тяги казахской молодежи к просвещению. «Последние две осени, – писала газета «Степной крестьянин», – многие учебные заведения выдерживали настоящий штурм молодежи. В губоно являются ходоки с требованием открыть школы» («Степной крестьянин». 1925. № 32). А вот учебных заведений катастрофически не хватало, и те, что функционировали, находились в жалком состоянии. Представьте себе так называемые «школы», многие из которых располагались в «землянках, часто сырых, свету в них мало, сидеть не на чем». Учебные заведения страдали от отсутствия школьных принадлежностей, учебников, литературы. «Степная заря» отмечала: «А в киргизских аулах, кроме Корана и молитвенников на киргизском языке, нет ничего больше». Не решала проблемы организация при центральной библиотеке в 1923 г. «киргизского отделения», которое имело малое количество книг, не способно было удовлетворить потребностей читателя («Красная степь». 1923. № 92). Такая же картина наблюдалась и в других районных библиотеках.

Контингент школьников-казахов был крайне ограничен. Садвокасов отмечал: «Из числа всех учащихся школ первой ступени киргизы составляют всего 19 процентов». И это при том, что в населении преобладало решительное настроение за казахскую школу, за ее сохранение и развитие. Что же делать? «В аульную школу должны быть брошены в первую очередь все свободные средства», – таков вердикт корреспондента газеты «Степной крестьянин» Н. Синдеева. Беда только в том, что эти средства и взять-то было неоткуда. В этом драма времени.

Понятно, что решение сложных просветительских задач в среде казахской молодежи немисливо было без формирования профессионально подготовленного учительского корпуса. И был он всего лишь на стадии становления. Газета признавалась: «Среди киргизского населения открытие школ идет слабо ввиду отсутствия киргиз учителей» («Степная заря». 1923. № 35). Письма из аулов в газеты полны просьб – пришлите учителя. Если таковые и были, то чаще всего малограмотные и профессионально не подготовленные для работы в школе. «Специфика аульной жизни такова, – сообщала газета, – что в ауле каждый малограмотный киргиз уже считает себя чиновником: он «писарь», значит – чиновник. Мугаллимы этим еще не заражены, их надо в должной мере использовать» («Известия Кустанайского Губкома РКП(б)». 1924. № 22).

Принимая во внимание недостаток мугаллимов, Кустанайский Губком предлагал расширить киргизское отделение педтехникума (которого, кстати, еще и не было), и более того, намерен был в 1924–25 уч.году обеспечить существование самостоятельного педагогического заведения с преподаванием на казахском языке. И еще: «не менее 100 мугаллимов пропустить через трехмесячные педагогические курсы, обратив особенное внимание в этих курсах на политическую подготовку» («Известия Кустанайского Губкома РКП(б)». 1923. № 19). При этом, скорее всего преднамеренно, основная проблема школы виделась не столько в подготовке грамотного учителя-профессионала, сколько в формировании его идейного настроения, политической позиции.

Учителя казахских школ явно нуждались в материальной обеспеченности. Пленум Губкома вынужден был признать: «Положение имеющих мугаллимов тяжелое. Они даже не сравнены по ставкам с русскими учителями. Мугаллимы получают по 9 разряду, а русские учителя по 12. Надо выравнивать оклады учителей русских и мугаллимов».

И все же казахское учительство вполне понимало обстановку и реально оценивало свою значимость в школьном строительстве, подтверждением чему служат слова учителя Аспандиярова: «Казахские мугаллимы с вами. Дайте нам руку, и мы пойдем с вами на борьбу с темнотой аула, выполняя заветы Владимира Ильича Ленина» («Степной крестьянин». 1924. № 34).

В сложных обстоятельствах жило и работало и учительство русских школ в начале 20-х годов. Значительная часть педагогов лишена была квартир, плохо обеспечивалась дровами, часто задерживалась или вовсе не выплачивалась зарплата. Учительство было самой обездоленной прослойкой общества. Тогдашние власти призывали учителей к терпению, стойкости и выдержке. И они в большинстве своем держались, выполняли работу свою, как настоящие подвижники, ответственно и добросовестно.

Следует признать, и от этого факта никуда не деться, в большинстве своем русское учительство, как и казахские мугаллимы, имело крайне низкий образовательный уровень. Как уже было сказано, старое учительство было явно малочисленным, часть его занимала либо явно враждебную позицию, отказываясь работать в советской школе, либо устранилась от активной работы с молодежью.

Учителями («шкрабами» – школьными работниками) в условиях дефицита педагогических кадров становились зачастую выпускники начальной школы, сразу после ее окончания, и даже те, кто просто владел грамотой. Не трудно догадаться, что при таких условиях качество занятий желало быть лучшим. Отсюда и недополученные знания. Явление весьма распространенное. Между прочим, в 20-е годы в России считалось весьма неприличным грамотно писать, поскольку было не по-пролетарски. А порой за грамотность могли даже и донос сочинить.

Впрочем, и таковых учителей далеко не всегда хватало. Газеты наполнены просьбами, как эти: «Дайте учителя, нигде не найти!» (пос. Кусоканский), «Учителя в пос. Веселый Кут нет. Совет не знает, откуда его взять», «...учителя нет, и на неоднократные просьбы... губоно не отвечает» (пос. Луговской), «Ждем учителей... ОкрОно, дай нам два учителя!» (пос. Александровский). Думается, картина ясна, есть еще примеры, но и этих достаточно.

Кто такие учителя 20-х годов? Они все зачастую были бесправны.

Положение осложнялось высокомерным отношением со стороны даже мало-мальски начальствующих работников. На это вынужден был обратить внимание пленум Губкома: «Наши партийные товарищи придираются к нему на каждом шагу и по делу, и без всякого дела: и не развит-то он, и иконы-то у него еще не убраны и так далее, и тому подобное, обвиняют чуть ли не в контрреволюции. При таких условиях, конечно, некоторые учителя даже отказываются работать».

«Учительство, действительно, мало развито, но просто потому, что до него ни живое, ни печатное слово не доходит. Кроме того, все эти обвинения разве не действуют на психологию учителя?»

Поэтому нам необходимо обратить внимание на учительство, не гнать его, а поддерживать как материально, так и морально, приблизить к себе» («Известия Кустанайского Губкома РКП(б)». 1924. № 22). Верный призыв, но как редко он исполнялся!

Как можно поднять профессиональный уровень учительства?

Выход нашли в организации переподготовки учительского персонала. Так, летом 1923г. 90 учителей–русских и казахов – прошли местные переподготовительные курсы и 32 человека оренбургские курсы. В 1924 г. 80% педагогов командированы в Оренбург и Кустанай на курсы переподготовки учительства («Красная степь». 1924. № 73).

Интересное сравнение городского и сельского учителя провели читатели газеты «Красная заря» Андреев и А. Лисенко. На взгляд последнего автора, пишущего о сельских тружениках школы, «... благодаря скудной зарплате и дьявольски тяжелой работе, более грамотные лица избегают службы учителя. Из старых учителей остались лишь те, которые служат не за «мамону», а за совесть» Помимо всего прочего, «семейные учителя вынуждены в

летнее время заниматься сельским хозяйством», которое является основой их существования. Кроме прямых обязанностей учитель на селе является «еще и общественным работником. Ведь он один из наиболее развитых и знающих людей в деревне».

Иное статусное положение у городского учителя. В городе образованных людей и без него много, здесь общественная жизнь представлена в более активном режиме. А вот городские учителя меньше всего в ней участвовали. «Многие из них, – высказывает свое мнение Андреев, – знали только свою специальность. Им грозила опасность обюрократиться, оторваться от жизни, стать в общественном смысле «лишними людьми». Единственное спасение Андреев видит в превращении городского учителя из чиновника-одиночки «в члена коллектива, в сознательного строителя будущего общества» («Красная степь». 1924. № 64, 81).

И как бы отвечая на благие надежды Андреева, газета «Степной крестьянин» в мажорном духе спешит рассказать, как передовое учительство идет в ногу с коммунистами. Интересно как? Группа кустанайских учителей, участников 5-й губернской конференции, заявила о том, что «переломилось наше учительство. Самые лучшие из учителей, передовые честные люди твердо решили идти по одной дороге с нашим руководителем – коммунистической партией». Учитель Тенякин так и заявил: «Учителя поручают передать, что они осознали свои прежние ошибки. Время недоверия учительства к коммунистической партии прошло» («Степной крестьянин». 1924. №34). Нельзя не почувствовать во всем этом определенный политический заказ, что, кстати, станет нормой на долгие годы.

На учительство взвалили весьма сложные обязанности, не всегда имеющие прямого отношения к профессии. Учитель пос. Алешинский Лисенко сообщал в газету в заметке «Слишком мало ценят учителя»: его перегружают работой в четыре смены и вечерними занятиями с взрослыми, заставляют выполнять обязанности школьного сторожа и т.д. Повсеместно учитель обязан быть пропагандистом марксистских идей, развивать политическое самосознание крестьянства, бороться за поднятие сельскохозяйственного производства, формировать в деревне антирелигиозные настроения, включиться в борьбу с кулачеством и уж потом озаботиться распространением общей грамотности. Пенсионер из Урицка В. Булах вспоминал: «В то время (*речь идет о начале 20-х годов – Я.Д.*) школы являлись не только местом обучения грамоте, но и центрами культурно-массовой работы среди крестьян. В них проводились различные собрания, концерты художественной самодеятельности, ставились спектакли. И во всех мероприятиях активное участие принимали учителя» («Совхозный рабочий». 1966. №73).

На школу возлагались подготовка и проведение пролетарских праздников, организация антирелигиозных шествий и демонстраций. Кстати, в антицерковной деятельности допускался зачастую явный перегиб, по поводу чего вынужден был выступить даже губком. «Необходимо также обратить внимание, – говорилось на одном из его пленумов, – на уменьшение головопаяства в деревне с антирелигиозной пропагандой. Обыкновенно у нас перебарщивают» («Известия Кустанайского Губкома РКП(б)». 1924. № 22).

В кустанайских школах работали разные учителя, разной квалификации, различных жизненных и политических установок. Многие из них удостоились быть упомянутыми на страницах газет. Несколько примеров не будут излишними. В пос. Веселый Кут с 73-мя учениками занималась учительница Янберг. Работала «одна в две смены, не считаясь с количеством рабочих часов. Не убивает ее энергию и недостаток учебников» («Красная степь». 1924. № 4). «Красная степь» сообщала об учителе пос. Малороссийского Щерба, о котором односельчане отзываются «с самой лучшей стороны как об учителе, так и о культурно-просветительском работнике, которого можно поставить в пример многим школьным работникам». Учителю Репрынцеву члены ячейки коммуны «Демьяна Бедного» «за сознательное и горячее участие» в проведении общественных мероприятий «выносят товарищескую коммунистическую благодарность». А вот весьма оригинальный поступок, недозволенный с точки зрения большевистско-комсомольской нравственности, совершил учитель пос. Долбушинский комсомолец Ковалев. «Учитель постоянно говорил ученикам о ненужности и вреде по-

повских алилуев и прочей ерунды. Говорил и договорился до того, что сам торжественно поплелся в поповскую лавочку венчаться. Пожалуй, и вымести такого учителя не мешает», – решительно настроен автор заметки в газету («Красная степь». 1924. № 29).

Пожалуй, на этом и завершим повествование.

3. Выводы.

В заключение остается заметить, что за ее пределами сохранилось множество газетных материалов, повествующих, например, о массовой детской беспризорности, положении детских домов, деятельности культурно-просветительских учреждений, языковой политике и о многих других проблемах, близких к народному образованию. Работая над газетным материалом, мы убедились, насколько была богатой событиями, разнообразной и сложной школьная жизнь начала 20-х годов. В то же время нам удалось укрепиться во мнении, что газеты являются, несомненно, одним из важнейших источников познания эпохи, насыщенной множеством подробностей, которые в сумме и создают ее портретный облик. Возможно, статья покажется перенасыщенной этими подробностями (а мы старались ими не пренебрегать), но это наш сознательный подход с целью ознакомления читателя, прежде всего, с жизненными реалиями, имевшими место быть уже скоро столетие назад.

Список литературы

- Бюллетень 3-го Кустанайского съезда Советов. – Кустанай. 1920. № 1, №2.
Известия Кустанайского Губкома РКП(б). – Кустанай. 1923. №19; 1924. №22, №25, №26.
Государственный архив Костанайской области (ГАКО). Ф. 1010. Оп.1. Д.22.
Коммунар. – Оренбург. 1921. №1.
Красная степь. – Кустанай. 1923. №19, №49, №50, №66, №92, №94; 1924. №№4, 19 февраля, №29, №64, №69, №73, №81.
Совхозный рабочий. – Урицк. 1966. № 73.
Степь. – Кустанай. 1922. №24.
Степная заря. – Кустанай. 1922. № 116, №123; 1923. № 33, №35, №38.
Степная правда. – Оренбург. 1923. №242.
Степной крестьянин. – Кустанай. 1924. № 20, №26, №34, №37; 1925. №32, №92, №95.
Юношеская правда. – Оренбург. 1922. №14.